

Гродненская губерния в 1812 г. в жизни и творчестве русских писателей

Главным историческим событием начала XIX в., обратившим взоры русской литературы на Гродненскую губернию, была Отечественная война 1812 г. Именно отсюда, с начала переправы наполеоновской армии через Неман, пахнуло на Россию тяжелым дыханием военной грозы. Сюда же, на берега седой реки, спустя полгода ее громовые раскаты пригнали остатки некогда великой армии. Мощный патриотический подъем, рост национального самосознания народа будоражили романтические души русских писателей, стремившихся быть в эпицентре тех исторических событий. Большинство из них побывало на гродненской земле одетыми в военные мундиры, с оружием в руках, а потому их перья и чернила были как бы заряжены предчувствием скорого триумфа. Кровавые схватки с неприятелем не заслоняли, однако, им и другие стороны жизни Принеманского края: военное лихолетье принесло нищету и разорение городам и селам, разбередило раны национальных и межрелигиозных противоречий... В то же время на еще пахнувшей порохом земле появлялись, как всегда в конце баталий, робкие надежды на счастливое будущее.

За время войны в рядах русской армии прошли через Гродненщину многие литераторы, и первым среди них необходимо назвать овечьего легендами лихого гусара, поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова (1781-1839). В плеяде главных героев 1812 г. он навсегда вошел в отечественную историю. Лучшие поэты посвятили ему восторженные строки, знаменитые художники той поры запечатлели его облик. Чертами Давыдова Лев Толстой наделил одного из самых обаятельных героев романа «Война и мир» — гусара-партизана Денисова. В «гусарской лирике» раскрылся поэтический талант, выкристаллизовался стих Давыдова — «кипучий, и воинственно летучий, и разгульно удалой» (Языков). Сам же Давыдов видел в себе прежде всего воина, который большую часть жизни провел в армии, выйдя окончательно в отставку в чине генерал-лейтенанта лишь в 1832 г. В одном из своих писем к Н. М. Языкову он не без законной гордости сказал о себе так: «Не шутя, хотя и не пристойно о себе так говорить, я принадлежу к числу самых поэтических лиц русской армии не как поэт, но как воин...» Сказанное, однако, не умаляет заслуг Дениса Давыдова и на литературном поприще. Наследие его — лирика поэта, сатирика, публициста — значительно и многообразно. И все же главный памятник своему времени и себе он создал своими «Военными записками». Не вдаваясь в оценку литературной значимости этого произведения, должно отметить, что для истории Гродненщины периода войны 1812 г. это уникальный источник, ибо значительная часть записок посвящена освобождению города на Немане от неприятеля и налаживанию в ней мирной жизни. Первый историко-литературный анализ этой части «Военных записок» дал Л. А. Линева в коллективном очерковом сборнике «Наднеманские были», вышедшем в Минске в 1968 г. Однако и жанр сборника, и общественно-политическая ситуация тех лет не позволили автору в полной мере использовать богатую фактуру записок Д. Давыдова для более полного освещения гродненской страницы в его боевом послужном списке.

Не претендуя на комплексную оценку труда воина-литератора, сделаем попытку дать ему свою интерпретацию лишь в историко-краеведческом плане. Прежде всего необходимо отметить, что Давыдов подходил со своим отрядом к униженной и опустошенной Белоруссии в ореоле легендарного героя-партизана. И это не только льстило ему, но и, по-видимому, определило линию его поведения при соприкосновении с местным населением и, в первую очередь, с пронаполеоновски настроенной польской шляхтой.

Из Вильно Давыдов был послан М.И. Кутузовым к Гродно, чтобы освободить его от австрийцев. Вот как автор записок описывает свой визит в штаб-квартиру Главнокомандующего: «Когда я вошел в залу, одежда моя обратила не меня все взоры среди облитых золотом генералов, красиво убранных офицеров и граждан литовских, я явился в черном чекмене, в красных шароварах, с круглою курчавою бородою и черкесскою шашкою на бедре. Поляки шепотом спрашивали, кто такой? Некоторые из них отвечали: «Партизан Давыдов», но самолюбие мое услышало несколько прилагательных, от коих нахлынула на меня толпа любопытных. Не прошло двух минут, как я был позван в кабинет светлейшего. Он сказал мне, что граф Ожаровский идет на Лиду, что австрийцы закрывают Гродно, что он весьма доволен мирными сношениями Ожаровского с ними, но, желая совершенно изгнать неприятеля из пределов России, посылает меня на Меречь и Олиту, прямо к Гродне, чтобы я старался занять сей город и очистить окрестности оною более чрез дружелюбные переговоры, нежели посредством оружия».

Многое в выполнении поставленной задачи зависело от продвижения войск генерала Ожаровского. Вскоре было получено донесение последнего, в котором он сообщал Кутузову о взятии 2 декабря Лиды и приближении его полков к Белице. Это ускорило сборы отряда Давыдова, который утром 4 декабря, выбив из Мереча неприятеля и захватив огромный «магазин съестных припасов», кинулся вдоль по Неману по направлению к Гродно. Командовать авангардом отряда Давыдов поручил майору Чеченскому.

В декабре Чеченский столкнулся под Гродно с аванпостами австрийцев, взял в плен двух гусаров, но по совету Давыдова тут же освободил их и отправил к генералу Фрейлиху, командовавшему в Гродно отрядом, состоявшим из четырех тысяч кавалерии и пехоты и тридцати орудий. Фрейлих прислал парламентаря поблагодарить русских за жест доброй воли, и переговоры между воюющими сторонами завязались. Вначале австрийский генерал заявил о намерении «не иначе сдать город, как предавши огню все провиантские и комиссариатские магазины, кои вмещали в себя более нежели на миллион рублей запаса». Однако после ответа Чеченского, действовавшего по указанию Давыдова, что весь ущерб огня ляжет на жителей губернии, Фрейлих решил оставить город со всеми запасами. Вошедший вслед за ним в Гродно русский авангард остановился на площади; затем на улицах, прилегающих к ней, были выставлены посты, налажена охрана складов и госпиталя. Таким образом задача, поставленная Давыдову Главнокомандующим, была выполнена блестяще. В ходе Гродненской операции проявились лучшие качества военного таланта партизанского командира, его способность на ходу вырабатывать тактику, не предусмотренную никакими «методиками». Ею Давыдов руководствовался как при сдаче Гродно, так и при налаживании в нем мирной жизни.

Следует заметить, что автору записок уже доводилось быть в Гродно в 1807 г., во время проезда из Тильзита. Здесь он был знаком с некоторыми благородными семействами, однако в целом город он знал недостаточно. Впрочем, его не удивило уведомление Чеченского «о духе польских жителей города, весьма для нас противном». Вот как Давыдов объясняет причины враждебности городской знати и части жителей к русским: «Гродно больше всех литовских (т. е. ранее входивших в состав Великого княжества Литовского. — В. Ч.) городов граничил с Варшавским герцогством и потому более всех заключал в себе противников нашему оружию: связи родства и дружбы, способность в сношениях с обывателями левого берега реки Неман и с Варшавою, сим горнилом козней, вражды и ненависти к России, — все увлекало польских жителей сего города на все нам вредное. Напротив того, — продолжал автор, — местные евреи во все время отказывались от лазутничества против нас и всегда и всюду давали нам неоднократные важнейшие сведения об неприятеле. Надо было наказать первых и погладить последних».

9 декабря Давыдов с отрядом вступил в город. При этом им были освобождены из плена 467 рядовых и 14 раненых русских офицеров, взято в плен 660 неприятельских солдат. Следует заметить, что запланированные Давыдовым действия по отношению к городскому населению имели достаточные основания, ибо даже по состоянию на 1816 г. в Гродно проживало 9873 человек. Из них 1451 — христиане и 8422 — иудеи. По некоторым данным, в момент освобождения города удельный вес последних был еще большим. При въезде в освобожденный от неприятеля город Давыдова ожидал весь еврейский кагал. Этот конкретный факт не может не оттенять поверхностную историческую констатацию на сей счет, сделанную Е. И. Корнейчиком в его книге «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года» (Минск, 1962, с. 103-104): «Собравшиеся на площади жители города с великой радостью приветствовали своих освободителей». Не исключено, что автор и имел в виду именно евреев по причине их преобладания среди жителей города, но почему-то этот аспект им обойден. Давыдов, наоборот, в своих записках этот момент подчеркивает: «Между ними (евреями. — В. Ч.) ни одного поляка не было видно» из-за «совершенного неведения о событиях того времени», ибо полагали, что «армия наша находится еще в окрестностях Смоленска...»

Давыдов остановился на центральной городской площади, где зачитал свое обращение к местной полонизированной шляхте, которая враждебно отнеслась к его отряду. В нем говорилось: «По приему, сделанному русскому войску польскими жителями Гродны, я вижу, что до них не дошел еще слух о событиях; вот они: Россия свободна. Все наши силы вступили в Вильну 1-го декабря. Теперь они за Неманом. Из полумиллионной неприятельской армии и тысячи орудий, при ней находившихся, только пятнадцать тысяч солдат и четыре пушки перешли обратно за Неман. Господа поляки! В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе: из восьмидесяти тысяч ваших войск, дерзнувших вступить в пределы наши, пятьсот только бегут восвояси; прочие валяются по большой дороге,

морозом окостенелые и засыпанные снегом русским.

Я вошел сюда посредством мирного договора; мог то же сделать силою оружия, но я пожертвовал славою отряда моего для спасения города, принадлежащего России...»

Несмотря на в целом радушную встречу, Давыдов не мог не видеть, что обстановка в городе оставалась напряженной: кое-где были замечены группы вооруженных людей, вызывало подозрение и поведение шляхты. Все это, а также непосредственная близость противника, вынудили Давыдова принять срочные и решительные меры. Назначив начальником города подполковника Храповицкого, он сменил все полицейское начальство в городе, состоявшее из поляков, а всю ответственность за порядок в нем возложил на местного начальника и его помощников. Вслед за этим жителям города было предписано в течение двух часов сдать начальнику города все огнестрельное оружие, а если у кого-либо «отыщется таковое пять минут после истечения ценного срока, тот будет расстрелян на площади». Однако благодаря ревностной службе новой городской власти к этой мере не было прибегнуто. Об этой стороне жизни города достаточно подробно сообщается в историко-документальном произведении И. Рабина «В разные годы» (М., 1981).

Особенно непримиримым был Давыдов ко всему, что принижало и оскорбляло в освобожденном городе национальное достоинство России, здесь он сделал все, чтобы восстановить престиж своей родины и пристыдить зазнавшихся ее неприятелей. Делал он это талантливо, по-гусарски весело, но учтиво. Незамедлительно был срублен высокий столб, поставленный в свое время польскими жителями города посередине площади по случаю взятия Наполеоном Москвы. Та же участь постигла и картины, которые содержали «разные аллегорические ругани насчет России» и были выставлены в окнах и на балконах некоторых домов. Среди всех этих картин, которые было приказано снести на площадь и сжечь, Давыдов самую примечательную из них заметил на балконе аптекаря. На ней были изображены орел Франции и польский орел, раздирающие на части двуглавого орла России. Давыдов велел позвать к себе аптекаря и «приказал ему к 12-му числу, то есть ко дню рождения императора Александра I, написать картину совершенно противного содержания, присовокупя к орлам Франции и Польши еще двух особых орлов, улетающих от одного орла русского». Всем остальным жителям, с домов которых были сорваны подобные аллегории, было велено к тому же числу «выставить изображения, приличные настоящим обстоятельствам и прославляющие освобождение России от нашествия просвещенных варваров».

Пришлось заниматься Давыдову и делами тех из горожан, кто или «записался на службу Варшавскому герцогству» или «препятствовал сбору провианта и фуража, необходимых отряду». В отношении к графу Валицкому, венгерскому выходцу господину Роту, шляхтичу Амбржиковичу проявилось все своеобразие характера и поведения воина, поэта и гусара: тонкий расчет, владение ситуацией, решительность и чувство юмора. В заключение всем своим «неистовствам» (так называли их поляки, в чем с ними соглашаюсь) Давыдов отыскал «того ксендза, который говорил похвальное слово Наполеону при вступлении неприятеля в пределы России, и приказал ему сочинить и говорить в российской церкви слово, в котором бы он разругал и предал проклятию Наполеона с его войском, с его союзниками и восхвалил бы нашего императора, вождя, народ и войско...» Наконец, Давыдов приказал открыть греко-российскую церковь и восстановить в ней богослужение, а в день рождения Александра I 12-го числа потребовал, чтобы все городские чиновники явились к нему с поздравлением, чтобы «город был освещен плашками и чтобы звонили целые сутки во все колокола всех церквей».

Распоряжения Давыдова, включая и требование к чиновникам и шляхте «итти со мною в русскую церковь и молиться за царя русского и благодарить Бога за избавление России», исполнялось в точности. 13 декабря вечером Давыдов получил приказ двигаться на Ганьондз. Отряд немедленно туда и выступил, сам же командир из-за болезни пять дней находился в Гродно. Он был свидетелем прибытия в город русских регулярных войск (кавалерии генерал-лейтенанта Корфа и пехоты генерала от инфантерии Милорадовича). Им он сдал «магазины и гошпитали, находившиеся в городе», а также все дела по управлению... Давыдов с грустью и иронией писал о том, как за пять дней под началом нового руководства «городское управление пресеклось, гошпиталь обратился в кладбище, полные хлебом, сукном и кожами магазины упразднились, а поляки стали явно обижать русских на улицах и в домах своих...». Его бытовые зарисовки жизни города, меткие и не без юмора характеристики тогдашнего гродненского начальства (Милорадовича, его друга генерала Пассека, адъютанта Киселева, доктора Бартелли и др.) поистине замечательны.

В описании своего пребывания в Гродно автор — сын своего времени. Более того, в своих воспоминаниях он не свободен от субъективности и предвзятости. Некоторые его оценки и суждения периода пребывания в Гродно порой противоречивы и непоследовательны, но при всем этом нельзя не видеть в прозе Давыдова живой и глубоко поучительный документ эпохи. И здесь нельзя не вспомнить слова В. Г. Белинского, который дал военной прозе Д. В. Давыдова достаточно проницательную характеристику: «Представляем военным людям судить о военном достоинстве этих статей; что же касается до литературного, с этой стороны они перлы нашей бедной литературы: живое изложение, доступность для всех и каждого, интерес, слог его быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный и поэтический!» Нам, со своей стороны, остается лишь добавить к словам гениального критика о достоинствах произведения Давыдова следующее: «Военные записки» — это еще и уникальный исторический памятник, одно из немногих свидетельств истории города Гродно периода «двенадцатого года».

* * *

Всеобщий патриотический подъем, вызванный войной, не мог не захватить и семнадцатилетнего студента Московского университета Александра Грибоедова. В конце июля он записывается в дворянское ополчение, после чего становится корнетом Московского гусарского полка. Однако формирование полка шло медленно из-за нехватки лошадей, а потому рвавшемуся в бой юноше не пришлось сражаться с французами. Только весной 1813 г. Московский полк вступил на территорию Белоруссии и слился с Иркутским гусарским полком, который стоял возле Брест - Литовска. Иркутские гусары были известны своими шалостями и кутежами. Видимо, по традиции отдал им известную дань и юный корнет Грибоедов. Его друзья тех лет сохранили в своей памяти следующие его истинно гусарские проделки в Бресте. Однажды он въехал верхом на второй этаж дома в разгар дававшегося там бала. В другой раз вместе с приятелем они пришли в костел иезуитского монастыря еще до конца службы. Грибоедов забрался на хоры, где помещался орган. Товарищ остался внизу и силой удерживал пришедшего органиста. Началась служба, и Грибоедов, прекрасный музыкант, заиграл приготовленные ноты песнопений, что стояли на попире. Но вдруг, в одну из торжественных минут, «пристойная» музыка оборвалась и с тех хор понеслись звуки развеселой русской комаринской... Молящиеся остолбенели, поднялся переполох... Но веселые гусарские похождения не заслонили главного для корнета — честно служить, овладеть искусством верховой езды... и глубоко изучать жизнь. И новые друзья по полку для Грибоедова — не праздные гуляки: большинство из них побывало в боях под Смоленском и даже в битве при Бородино... Всего четыре месяца прослужил будущий поэт в Иркутском полку. Осенью 1813 г. он назначен адъютантом командира корпуса А. С. Кологривова. Служебные обязанности, по откликам генерала, Грибоедов выполнял с особенной искренностью, старательностью и деловитостью, а свободное время отдавал литературе.

Здесь, в Брест-Литовске, на территории тогдашней Гродненской губернии, корнет Грибоедов стал, по существу, на тот путь, на котором его повстречала широкая слава. Вначале он выступил в печати с небольшой корреспонденцией «Письмо из Брест-Литовска», где рассказал о праздновании 22 июня в городе окончания войны и награждении генерала Кологривова орденом Владимира 1-й ст. Грибоедов упивается в своей корреспонденции молодостью, товариществом... Эмоций было так много, что проза часто сменялась поэтическими экспромтами. Сама природа способствовала праздничному, восторженному настроению: «На валу шатры, кои белелись между березками, у подошвы горы луг, где разбит лагерь, река Буг, обтекающая все место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности, толпы народа на местах и на берегу, взирающие с удивлением на пышный, невиданный праздник: все пленяло взор наблюдателя, все приводило в изумление». Веселье продолжалось до утра. Музыка, песни, танцы, фейерверки и дамы, «которых присутствие, конечно, есть первое украшение военного праздника». Не была забыта и добродетель: «открылась подписка в пользу госпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6500 рублей».

«Праздник, в коем участвует сердце» — так назвал этот день Грибоедов — стал темой первого выступления в печати. А вскоре все в том же журнале «Вестник Европы» была опубликована другая статья начинающего литератора «Об кавалерийских резервах». В ней увлеченно рассказывалось о значении конных резервов для страны в период войны, о самоотверженной работе офицеров кавалерийского корпуса по формированию резервных эскадронов, в которых так нуждалась действующая армия.

Однако молодой Грибоедов не был удовлетворен деятельностью публициста и журналиста. Его все больше и больше увлекала серьезная литературная работа. В определенной степени вступить на этот путь ему помог известный в то время театральным деятелем и комедиографом, князь А.А. Шаховский, с которым Грибоедов встретился и подружился именно тут, на военной службе в Гродненской губернии. Во время одной из встреч Шаховский предложил молодому гусару сделать стихотворный перевод небольшой пьесы французского писателя Крезе де Лессера «Секрет жить в согласии» («Семейная тайна»). Эта работа захватила Грибоедова, со временем трехактная комедия превратилась под его пером в одноактную пьесу «Молодые супруги».

Запас жизненных впечатлений, почерпнутый корнетом Грибоедовым в период службы в Брест-Литовске, спустя годы нашел свое отражение в тексте его комедии «Горе от ума». 20 декабря 1815 г. Грибоедов подал рапорт начальству об увольнении из военной службы в статскую. В марте 1816 г. просьба эта была удовлетворена, и он навсегда оставил пределы Гродненской губернии. Началась работа над главным произведением его жизни.

В годы войны в составе русской армии, ведущей наступление на неприятеля, находился также известный русский поэт Константин Николаевич Батюшков (1777-1855). Немногие русские литераторы могут сравниться с ним по той силе патриотического воодушевления, с каким он воспел могучую победоносную поступь армии, нанесшей поражение "непобедимому" Наполеону. Именно к таким произведениям относится и стихотворение поэта «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года», отразившее важнейший исторический этап в ходе войны с Наполеоном. С выходом русских армий к Неману завершилось освобождение России от неприятеля и начались заграничные походы, принесшие освобождение и странам Европы. Стихотворение начинается с описания зимнего Немана; «Снегами погребен, угрюмый Неман спал». А завершается это описание показом роковой картины символического значения: «Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет и брошенных костров огонь, дымяся, тлеет, и хладный как мертвец, один среди дороги сидит задумчивый беглец недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги». В этом стихотворении звучит и еще одна подлинно эпическая тема – тема возмездия: «Гремят щиты, мечи и брони, и грузно в сумраке ночном чернеют знамена и ратники, и кони: несут полки славян погибель за врагом, постигли Неман и копыя водрузили. Из снегов возросли бесчисленны шатры, и на берегу зажженные костры все небо заревом багровым обложили». В стене «полков славян» во всей своей боевой красе появляется величественный образ умудренного опытом полководца — Главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова.

И спустя многие годы после войны 1812 г. возвращались русские литераторы в своих произведениях к историческим событиям на берегах Немана. Федор Иванович Тютчев (1803-1873) по дороге из-за границы в Петербург впервые увидел реку в сентябре 1853 г., что вызвало у него размышления о минувших событиях, свидетельницей которых она была. Если Батюшков в «Переходе русских войск через Неман» воспел бегство разгромленных полчищ Наполеона из России зимой, то Тютчев в своем стихотворении «Неман» воскресил картину вступления Наполеона в границы России летом, через пограничный водный рубеж. Таким образом, оба поэта отразили в своих стихах важные, но разные этапы Отечественной войны 1812 г., связанные с Неманом. Победоносное шествие бесчисленных полков французского императора проходит буквально через все содержание стихотворения. Однако его заключительные строки венчают бесславный конец зарвавшегося врага: «Несчетно было их число — и в этом бесконечном строе едва ль десятое чело клейма минуло роковое...»

Л. Н. Толстой (1828-1910) никак не мог быть на Гродненщине в 1812г. Однако события тех лет автор «Войны и мира» во многом видел глазами своего отца Н. И. Толстого (1794-1837), побывавшего в Принеманском крае в период изгнания Наполеона. В письме к родителям из Гродно, датированном 28 декабря 1812 г., он упоминает в связи со своей службой имена генералов Дохтурова, Уварова, Свечина, высказывает свое отношение к увиденному на дорогах войны, включая и Гродно. Не исключено, что после чтения именно этого "гродненского письма" Толстого - старшего в дневнике 25-летнего писателя появилась запись: «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений». Впоследствии, работая над «Войной и миром», Лев Толстой оставался верен данному кредо, полностью разделяя отцовское внимание к «диалектике души», к человеку в истории с его особым сокровенным миром.

Бібліографія

1. *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982.
2. *Бютюшков К.Б.* Сочинения. М., 1955.
3. *Грибоедов Л.С.* Сочинения. М., 1956.
4. *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. Л., 1953.
5. *Лінеў Л.А.* Старонкі мінулага//Наднеманскія былі Зборнік артыкулаў і нарысаў. Мн., 1968.
6. *Букчин С.В.* ...Народ Издревле наш родной. Русские писатели и Белоруссия. Очерки. Мн., 1981.
7. *Черетица В.Н.* Преодоление времени. Мн., 1996; *Он же.* «Дай нам руку в непогоду»: Деятели русской культуры XIX — начала XX веков и Гродненщина. Историко-документальные очерки и публицистика. Гродно, 1997.